

— Для чего вамъ эта мельница?—спросилъ онъ, возвращая условіе.

— Хлѣбъ молотъ!—засмѣялся Лапкинъ.

— Это я понимаю; но мельница существуетъ столько лѣтъ и вы не обращали на нее вниманія, а теперь вдругъ сняли и такъ дешево!

— Потому и снялъ, что дешево. А тебѣ—или завидно?

— Завидовать тутъ нечему; досадно за ошибку крестьянъ.

— Ну, до свиданья, господа, — торопливо сказалъ Василій Никандрычъ, дѣлая подъ козырекъ:—я спѣшу... Пошелъ, Антошка!

Тройка съ трезвономъ покатила къ хутору.

Иванъ Яковлевичъ наконецъ заговорилъ:

— Ахъ, разоритель! Какую штуку выдумалъ, совсѣмъ обошелъ мужиковъ-то! Теперь прощай Дворики, пропащее ваше дѣло!.. Головы что-ли они тамъ потеряли, на что рѣшились—мельницу сдать въ аренду!.. А все вино проклятое! Эхъ, горе наше великое!

Дѣло состояло вотъ въ чемъ.

У Двориковскихъ крестьянъ была водяная мельница, единственная во всей окрестности. Мельница строилась по мысли и указаніямъ Ивана Яковлевича и почти на его средства. Работала она въ прежнее время очень исправно, приносила значительный доходъ и давала возможность платить изъ него всѣ крестьянскія повинности и даже аренду за снимаемый крестьянами участокъ. Словомъ, мельница и кормила, и поила деревню. Но такое благополучіе продолжалось только до распаденія крестьянской общины; нѣкоторые изъ вліятельныхъ крестьянъ, поддерживавшихъ общественный союзъ, перемерли, другіе перечислились въ городъ; къ этому времени Василій Никандрычъ надумалъ торговать виномъ и открылъ въ Дворикахъ „заведеніе“. Въ міру пошелъ полный разладъ и неустройство, мельница оставалась безъ ремонта и начала падать. Иванъ Яковлевичъ не разъ указывалъ это Двориковскимъ крестьянамъ и даже предлагалъ денегъ на капитальное исправленіе мельницы; но мірское шатанье помѣшало воспользоваться этимъ, одни соглашались, другіе нѣтъ. „Живетъ и такъ!—кричали они на сходахъ:—Ты слушай его, Большака-то, онъ тѣ наскажетъ!.. Изъ ученыхъ, что и говорить! А разбери, такъ може съ его стороны и подвохъ какой“!

Такъ дѣло о поправкѣ мельницы и затягивалось на неопредѣленное время, а, между тѣмъ, „добрые люди“ воспользовались этимъ какъ нельзя лучше.